

Раздел IV
ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: МИРОВОЙ ОПЫТ

Part IV. INCLUSIVE EDUCATION:
INTERNATIONAL EXPERIENCE

УДК 376+37.0+316.31.4

НОРМА И АНТИНОРМА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КНР

М. А. Куратченко (Новосибирск)

Статья посвящена исследованию категорий нормы и антинормы в китайской традиции и, как следствие, их влиянию на восприятие обществом лиц с ограниченными возможностями. Отношение к людям, которые отличаются от других, в традиционной культуре тесно связано с представлением о необходимости сохранения стабильности в обществе, что является основой для воспроизводства обычаев и текстов. В таком случае любой выход за пределы нормального и привычного видится риском для общности. Традиционные культуры предлагают разнообразные способы адаптации антинормы: от ее разрушения до ассимиляции, что, как представляется, определяется существующими в общности представлениями о пространстве и времени, а также привычными способами формирования социальной идентичности. Кроме того, в рамках каждой культурной общности уникально решается вопрос определения границ между нормой и антинормой.

Данные, полученные в ходе представленного исследования, позволяют сделать выводы о способах социальной адаптации, роли и месте лиц с ограниченными возможностями в китайском обществе. Представленный в данной работе анализ законодательной базы, ретроспективное изуче-

© Куратченко М. А., 2014

Куратченко Марина Анатольевна – старший преподаватель кафедры международных отношений и регионоведения факультета гуманитарного образования, Новосибирский государственный технический университет.

E-mail: mkuratchenko@gmail.com

Kuratchenko Marina Anatolievna – Senior Lecturer of the Chair of International Relations and Regional Studies of the Department of Humanities Education, Novosibirsk State Technical University.

ние существующих образовательных практик лиц с ограниченными возможностями, интерпретация лексического материала позволяют сделать вывод о современных тенденциях в процессе становления и развития инклюзивного образования в КНР. Здесь интересно отметить, что данные практики, появившиеся в Европе и Америке много ранее, являются случаем адаптации зарубежного опыта к китайским реалиям.

Изучение создания системы инклюзивного образования в КНР – это, с одной стороны, еще один сюжет в исследовании способов адаптации традиционной культурой иностранных заимствований с сохранением как традиционных, так и инновационных компонентов, с другой – чрезвычайно интересный опыт масштабной организации миллионов людей для предоставления возможности получения образования, профессии людям с ограниченными возможностями, уникальное явление, не имеющее аналогов в мире.

Ключевые слова: инклюзивное образование, социальная норма, традиционное общество, система образования.

NORM AND ANTINORM: PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE INCLUSIVE EDUCATION IN CHINA

M. A. Kuratchenko (Novosibirsk)

The article examines the categories of «norm» and «antinorm» in the Chinese tradition, and, as a consequence, their influence on the perception of persons with disabilities in society. The attitude towards the people that are different from others in the traditional culture is closely linked with the concept of the need to maintain stability of the society, the foundation of reproducing the customary practices and texts. In such a case, any going beyond the «normal» and generally accepted poses a risk for the community. The traditional cultures offer a variety of options for adaptation of antinorm: from destruction to assimilation, which seems to be a consequence of the existing in the community concepts of space and time, as well as the usual practices of social identity formation. In addition, within each cultural community there is uniquely solved the question of defining the boundaries between norm and antinorm.

The data obtained in the course of the present study allow us to make conclusions about social adaptation, the role and place of persons with disabilities in the traditional Chinese society. Speaking of contemporary Chinese society, researchers as one of its main features indicate that the basic social practices are largely determined by the traditional beliefs. The perception of the people with disabilities and how to adapt them is no exception. The paper analyzes the legal framework, conducts a retrospective study of existing educational practices of persons with disabilities; the interpretation of lexical material suggests current trends in the development of inclusive education in China. It is interesting to note that these practices, which appeared in Europe and America a lot earlier, is the case of adaptation of foreign experience to Chinese realities.

The study of the creation of inclusive education system in China is, on one hand, an experience of understanding the ways of adaptation of foreign elements by the traditional culture while maintaining both traditional and innovative components. On the other hand, it is a very interesting history of large-scale organization of millions of people to provide opportunities for education, occupation for the people with disabilities. It is a unique phenomenon, which has no analogues in the world.

Keywords: *inclusive education, social norms, the traditional society, the education system.*

Обсуждение проблем и перспектив инклюзивного образования принято начинать с обращения к европейскому опыту. Действительно, именно здесь была сформулирована проблема, заложены основы тенденций, которым суждено было через несколько десятилетий изменить мир. Реализация проектов финансовой помощи Tacis, Tempus, Erasmus Modus способствовала активному подключению российской системы образования к процессу обмена знаниями и распространению опыта европейских стран в области инклюзивного образования [1]. Распространение европейского опыта поддерживается постоянно действующими образовательными и научными центрами, созданными на территории России как результат материальной поддержки ЕС в форме грантов. Несмотря на то что изучение европейского опыта остается ведущим трендом, представляется важным обращение к опыту азиатских стран.

Однако в данной статье предлагается обращение к «азиатскому дискурсу». Связано это, с одной стороны, с тем, что до последнего времени такие социальные вопросы, как регуляция населения, социальная девиация, проблемы социальных меньшинств не выносились за пределы «китайской избы», были табуированы, надежно укрыты от глаз иностранцев. Беспрецедентное развитие китайской экономики, усиление международных контактов и связанный с этим интерес к КНР специалистов практически всех отраслей знания оказался неспособен прояснить озвученные темы. Связано это, как представляется, не только с запретом на обсуждение данных вопросов, но и с непониманием более серьезного уровня: зачастую, называя вещи одинаковыми именами, китайские и иностранные специалисты вкладывают в них разный смысл, дают различные оценки одинаковым категориям, по-разному определяют источники проблемы и пути ее разрешения.

Вопросы социализации лиц с ограниченными возможностями не исключение. С одной стороны, данное проблемное поле – безусловный тренд современности, маркер принадлежности общества к передовому, гуманистическому отряду человечества, что с неизбежностью требует от социальных элит заинтересованности в этом вопросе, с другой – каждая культурная традиция предлагает свое видение нормы и антинормы, различные

формы изоляции или включения носителей указанных антинорм в социальные практики. На европейском материале данную проблему блестяще обозначил М. Фуко [2].

С проблемой определения нормы и ее места в обществе связаны вопросы социальной адаптации и образовательного института как одного из акторов этого процесса. Здесь следует также отметить зависимость формы и методов образовательных практик от присущей данной традиции культурной парадигмы, определяющей цели и содержание социальной деятельности [3].

Что же касается китайского опыта, то, говоря об инклюзивном образовании как о способе социальной адаптации лиц с ограниченными возможностями, прежде всего необходимо определиться со статусом и функциями данной категории людей в китайской традиции.

Традиционной культуре свойственно крайне осторожное отношение ко всему, что может нарушить имеющуюся стабильность, поэтому любое отклонение от привычного воспринимается как попытка дестабилизации и либо адаптируется культурой как вариант известного, либо безжалостно изгоняется за пределы Космоса.

Пространство и время в традиционной картине мира являют собой единый хронотоп, по которому при известных условиях можно перемещаться. Пространство предстает крайне неоднородным, будучи разделено на «наше» и «чужое». «Наша» территория населена людьми, «чужая» – духами, демонами, нечистью. Принадлежность к иному, «не нашему» пространству определяется с помощью маркеров: это могут быть как цветовые отличия (так, для российской традиции черный – однозначный маркер «чужого»), так и физические. Как известно, черти ходят пятками вперед, а Люцифер хромает на левую ногу. Также уместно вспомнить о профессиональной хромоте кузнецов Гефеста, Велунда, эпических героев Одиссея, Сосруко, героических коней Слейпнира, Конька-горбунка и прочих персонажей, имеющих физические недостатки [4].

В качестве допустимого формата общения с такими лицами традиция предлагает их изоляцию и перемещение на периферию (живут в избушке на краю деревни, путешествуют по морям, нищие-калеки ходят по дорогам). Таким образом, все категории выводятся за пределы «своего пространства», обжитого космоса. Однако не исключен и вариант инверсии, когда подобные персонажи помещаются в центр Космоса (юродивые на церковной паперти и т. д.). Китайская культура предлагает именно такой вариант взаимодействия, располагая данных лиц в центре мира, месте максимально сакральном, одновременно вынесенном за пределы «нашего» пространства, но с другим знаком (речь идет о широко распространенном в рамках традиционной культуры механизме дублирования географических и сакральных смыслов через создание двойных образов

значимых феноменов. Так, например, Мировая гора нередко располагается и в центре, и на периферии «нашего» мира).

В «Го юй» (Речи царств, текст IV–III вв. до н. э.) в разделе «Речи царства Чжоу», где ведется обсуждение способов поддержания стабильности в Поднебесной, читаем: «Сын Неба, занимаясь государственными делами, велит всем: от правителей владений и высших сановников до чиновников трех рангов – подносить стихи, музыкантам – подносить песни, историографам – подносить книги, слепым, лишенным зрачков, – петь стихи [представленные правителями владений, высшими сановниками и чиновниками трех рангов], слепым, сохранившим зрачки, – декламировать [под музыкальный аккомпанемент предостережения младших музыкантов]» [5, с. 24]. Здесь необходимо обратить внимание на то, что термины «музыкант» и «слепой» в древнекитайском языке обозначались одним и тем же иероглифом – «гу».

Слепые сказители – принадлежность не только китайской культуры, слепы были и Гомер, и украинские бандуристы. Представляется возможным говорить о профессиональных требованиях к исполнителям, заключавшихся в наличии слепоты. Связано это, как представляется, с особой ролью, которую играла музыка и ее исполнители в традиционной культуре, где главным было не развлечение публики, а установление гармонии. Согласно древней китайской философии музыка – дар Неба, она основывает свои принципы на законах развития Вселенной и обладает огромной силой воздействия на людей. Отсюда сложная символика, связывающая каждую ступень звукоряда с религиозно-философскими представлениями, с определенным месяцем года, часом суток, положением солнца и луны, с различными животными и птицами, со стихиями, господствующими в мире, мужским (ян) и женским (инь) началами [6, с. 195]. В гл. 37 текста Ли цзи (Записки о ритуале), носящей название «Записки о музыке» указано следующее: «Все музыкальные звуки рождаются в сердце человека. Чувства зарождаются внутри человека и воплощаются в виде звуков; когда же все эти звуки приобретают законченность, их называют музыкальными тонами» [7, с. 115].

Исполнение музыки во время ритуальных действий определяет ее типологическое сходство с ритуальным текстом, а ее исполнитель может быть приравнен к лицу, совершающему обряд, воссоздающему ритуальное время. Это объясняет принципиальную слепоту музыканта и сказителя. Обращаясь к иному миру, они должны его зреть, таким образом, физическая слепота становится инверсией потустороннего зрения.

Указание на эту функцию, знания музыкантами скрытого содержится в тексте «Го Юй». В описании ритуала, посвященного первой борозде, сказано: «В этот день [старший] музыкант во главе музыкантов проверял

звук ветра и определял состояние земли». И далее: «я не музыкант и не великий астролог – откуда же мне знать волю Неба?» [5, с. 29].

Таким образом, слепые музыканты выполняли важную социальную функцию: будучи непосредственными участниками ритуала, они обеспечивали коммуникацию между «своим» и «чужим» мирами, гарантируя гармонию, стабильность и процветание Поднебесной.

Итак, предложенный анализ общественного статуса и функций лиц с ограниченными возможностями позволяет сделать вывод об их особом положении в обществе: представление о наличии сверхспособностей (умением видеть «чужой» мир) выделяет их в изолированное сообщество со своей иерархией (старшие и младшие музыканты), уникальными формами социализации и профессиональной подготовки. Таким образом, обычные и особенные люди не смешиваются, будучи надежно разделены представлением о должном или, в риторике китайской традиции, о ритуале 礼.

Имея в виду традиционное восприятие лиц с ограниченными возможностями в китайской традиции, обратимся к современному состоянию вопросов, связанных с инклюзивным образованием в КНР.

Термин «инклюзивное образование» на китайский язык переводится как *quán nà jìàoyù*, где *quán* – «всецелый, всеобщий», *nà* – «прикреплять» (используется как прилагательное и как глагол), *jìàoyù* – «обучение». В качестве синонима для *nà* выступают *kuò*, *bāohán*, *róngnà* – «включать, заключать в себе и вмещать» соответственно. Таким образом, уже на терминологическом уровне фиксируется аспект «включенности» и «вместаемости», являющийся особенностью данного образовательного подхода. Интересно использование иероглифа *quán* при переводе, ведь английское *inclusive* не содержит отсылки к «всеобщности». То есть в китайском варианте подчеркивается всесторонность включения в образовательные процессы.

В 1994 г. в Испании ЮНЕСКО была проведена «Всемирная конференция по образованию лиц с особыми потребностями» и принята Саламанская декларация, закрепившая принципы инклюзивного обучения. Китай на официальном уровне всецело поддержал эту идею, приступив к изучению и внедрению данных методик. В настоящее время в КНР созданы центры инклюзивного образования, проводятся конференции и семинары, осуществляются публикации по этой проблематике.

Однако этим событиям предшествовал многолетний опыт применения в КНР схожего подхода – практик совместного обучения *suí bān jìùdú*, что дословно может быть переведено как «присутствие в одной группе». В Поднебесной этот путь начался позже, чем в западных странах. В 80-х гг. XX в. в Китае стала внедряться практика совместного обучения обычных детей и детей с ограниченными возможностями – *suí bān jìùdú*. Суть данного процесса заключалась в том, чтобы привести особых детей в обычные

школы и обычные аудитории, где обучение происходило бы совместно с остальными учениками. Ряд китайских авторов считает, что выражение *suí bān jìùdú*, являясь переводом английского «learning in regular classroom», в то же время, по сути, выступает эквивалентом принятого в международной практике термина «интеграция». Таким образом, китайские специалисты склонны переводить принятое в китайской профессиональной среде понятие *suí bān jìùdú* как «интегрированное обучение» [8].

Практика интегрированного обучения в КНР стала внедряться под воздействием зарубежного опыта с учетом условий и особенностей Китая. После принятия в 1994 г. положения «О внедрении методов интегрированного обучения в работе по развитию малолетних детей с ограниченными возможностями» данный подход стал распространяться по всему Китаю.

Внедрение интегрированного обучения стало новым этапом проведения реформ в китайском образовании. До этого дети с ограниченными возможностями могли посещать только специализированные учебные заведения, находясь в изоляции от сверстников. Интегрированное обучение, изменив представление об инвалидах, показало, что особые дети могут учиться в обычных школах. Для китайских специалистов также важным оказывается тот факт, что интегрированное обучение способствует популяризации образования: дело в том, что большое количество детей-инвалидов по различным причинам не может посещать специализированные школы (среди основных причин указывается недостаточное количество школ данного вида). Таким образом, интегрированное обучение в китайском прочтении должно способствовать снятию дефицита образовательных возможностей для особых детей посредством интегрирования последних в обычный образовательный процесс. Доля особых детей, обучающихся по программам интегрированного обучения, в 2000 г. составила 63% от общего числа учащихся с ограниченными возможностями [9]. Следствием использования методов интегрированного обучения китайские специалисты склонны считать рост доли детей с ограниченными возможностями, вовлеченных в образовательный процесс, рост в обществе толерантности по отношению к инвалидам, интегрирование особых детей в социальную жизнь.

Китайские специалисты уверены, что интегрированное образование генетически связано с инклюзивным представляет собой первый шаг на пути к общей (в китайской риторике) инклюзии. Сохранение совместного обучения ведет к ограничениям, поэтому необходимо сделать следующий шаг – перейти на уровень понимания и уверенности, присущих инклюзивному образованию. Интегрированное обучение – пройденный этап в развитии идей инклюзивного обучения, так как последнее находится на принципиально

ином, высоком уровне универсализации образовательных принципов и социальных смыслов» [10].

Разница между инклюзивным и интегрированным образованием заключается и в отношении к учащемуся: если в интегрированной форме особый ребенок воспринимается именно как особый, которому требуются специальные программы, лечение и т. д., то при инклюзивном подходе все учащиеся так или иначе воспринимаются как особенные, уникальные личности, к каждой из которых требуются специальный подход и условия. Таким образом, дискуссия из области норма-не норма смещается в сферу разнообразия индивидуальностей. Иными словами, при инклюзивной форме образовательного процесса различия превращаются из фактора, требующего коррекции, в источник вдохновения.

Кроме того, инклюзивное образование, в отличие от интегрированного, предполагает внедрение новых форм образовательного процесса, где бы учитывались индивидуальные особенности учащихся, где физические отличия являются лишь частным случаем личностной индивидуальности. При таком подходе инклюзивные практики охватывают не только особых детей, Таким образом, цель образовательного учреждения – предоставление равных возможностей для реализации индивидуальностей.

Итак, в инклюзивном обучении акцент делается на равных возможностях для всех учеников, причем не только возможности учиться, но и возможности реализовать свои возможности. Антонимом слова *jìèpà* – (ключевым в *quán pà jiàoyù* – инклюзивное образование) «допускать, включать» является понятие *ráicì* – «исключать, дискриминировать». Таким образом, главным в инклюзивном образовании является противостояние дискриминации учащихся. Однако на сегодняшний день показателем успешности учащихся в КНР являются экзаменационные оценки, а дискриминация и сегрегация, с которой ученики сталкиваются в процессе обучения, остается привычной нормой. И хотя в контексте инклюзивного образовательного подхода в КНР уже проводится череда мероприятий, принимаются законодательные акты, так или иначе регулирующие эту сферу, о специализированной политике и специализированном законодательстве пока говорить не приходится. Официальные правительственные документы также не демонстрируют риторики, связанной с инклюзивным обучением. Таким образом, для гарантии дальнейшего успешного развития инклюзивного образования в КНР необходимо как законодательное обеспечение, так и решение вопросов создания единой политики в данной сфере.

На сегодняшний день право на обучение лиц с ограниченными возможностями регулируются «Законом об охране инвалидов КНР», «Положением об образовании инвалидов», Конституцией КНР, «Законом об образовании КНР», «Законом об обязательном образовании КНР».

Высший законодательный акт, регулирующий политику совместного обучения, – это Конституция КНР, в которой написано: «Государство и общество помогают слепым, глухим, немым и другим гражданам-инвалидам в устройстве на работу, получении средств на жизнь, получении образования» [11, ст. 45, гл. 2]. Государственный совет по вопросам образования и других ведомств в «Мнении о некоторых вопросах реализации специального образования» (сентябрь, 1986 г.) установил способы получения образования детьми с ограниченными возможностями: «1. Сроки начала школьного обучения слепых, немых, умственно отсталых детей могут быть расширены в соответствии с индивидуальными потребностями. 2. Способы и формы обучения должны быть гибкими и разнообразными, кроме учреждения специализированных школ, возможно создание при обычных начальной или начальной средней школы специальных групп для детей с ограниченными возможностями, в которых будут обучаться дети-инвалиды. Однако это не должно препятствовать посещению начальной и средней школы обычными учениками» [12]. Государственный комитет по образованию в «Извещении о публикации “О способах осуществления развития маленьких детей с ограниченными возможностями”» (1994 г.) уточнил правила проведения совместного обучения: «1. Дети с ограниченными возможностями, участвующие в программах совместного обучения, должны посещать школу по месту жительства (поблизости). 2. Возраст поступления в школу с совместным обучением детей с ограниченными возможностями и обычных детей должен быть одинаков. В особых случаях возможно расширение возраста. 3. Количество детей с ограниченными возможностями в обычных школах в классах с совместным обучением должно быть 1–2 человека, не больше 3 человек. 4. Обычные школы должны в соответствии с законодательством предоставлять образовательные услуги детям с ограниченными возможностями. Школы не имеют права отказывать в образовательных услугах детям-инвалидам» [13].

В указанных документах детально рассматриваются проблемы образования лиц с ограниченными возможностями. Однако очевидно, что законодательная работа в сфере образования лиц с ограниченными возможностями никогда не была чрезвычайно успешной. Так, если взглянуть на правовую систему в целом, то в сфере правового регулирования образования инвалидов, КНР все еще недостает авторитетных законодательных актов, могущих сравниться с «Законом об учителях» или «Законом об обязательном образовании». Поэтому образовательная политика в данных вопросах регулируется общими положениями об образовании или разрозненными актами различных министерств, имеющими относительно малую силу.

Кроме юридического аспекта, среди основных вопросов, связанных с внедрением инклюзивного образования в КНР, необходимо отметить недостаток профессиональных кадров. Дело в том, что на сегодняшний день в Китае нет учебных заведений, которые занимались бы подготовкой преподавателей для такого рода учебных групп. Конечно, сейчас в КНР особое внимание уделяется исследованиям в данной области и совместной разработке планов реализации развития инклюзивной школы, однако, учитывая масштаб проблемы, этого, разумеется, недостаточно.

Кроме того, нельзя оставлять в стороне традиционный аспект восприятия лиц с ограниченными возможностями. Идя по улицам китайских городов, вы невольно обращаете внимание на желтые информационные дорожки для инвалидов. На территории университетских кампусов также можно видеть желтые тропинки, идущие вдоль основных дорог, однако лиц, пользующихся ими, чрезвычайно мало, так же как и студентов в колясках или со специальными приспособлениями. Связано это, как представляется, с тем, что, хотя необходимость инклюзивного обучения выносятся в разряд приоритетных и по всей стране создаются институты инклюзивного образования, это по-прежнему специализированные учебные заведения с адаптированной средой, чьи аудитории и корпуса надежно отгораживают обычных людей от людей с ограниченными возможностями. Таким образом, представления о специфической природе инвалидности в китайской традиции в сочетании со строгой иерархичностью китайского общества, отчетливое понимание того, что можно и чего нельзя, детально прописанные правила и инструкции, готовность к быстрому, но зачастую формальному выполнению распоряжения или приказа создают далеко не самый благоприятный контекст для развития инклюзивного образования в КНР по западному образцу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Зиневич О. В.** Материалы круглого стола «Повышение социального потенциала образовательных программ в рамках сотрудничества России и Европейского союза» // Философия образования. – 2013. – № 4. – С. 180–186.
2. **Фуко М.** История безумия в классическую эпоху. – М. : Смысл, 1998. – 310 с.
3. **Куратченко М. А.** Роль цивилизационной идентичности в формировании социокультурной парадигмы образовательного процесса в современном обществе (на примере обучения иностранных студентов из КНР) // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2014. – Вып. 1(33). – С. 108–112.
4. **Луговой К. В.** Космогонические, антропогонические и эсхатологические мотивы в нартовском эпосе карачаевцев и балкарцев // Этнографическое обозрение. – 2003. – № 6. – С. 57–69.
5. **Го юй** (речи царств) / АН СССР, Ин-т востоковедения; отв. ред. М. В. Крюков – М. : Наука, 1987. – 470 с.

6. **Агеева Н. Ю.** К вопросу об истории зарождения и развития традиционной китайской музыки // Общество и государство в Китае: XXXLII научная конференция к 100-летию со дня рождения Л. И. Думана / Ин-т востоковедения; сост. и отв. ред. С. И. Блюмхен. – М. : Вост. лит., 2007. – С. 193–199.
7. **Ли цзи** // Древнекитайская философия: собр. текстов / АН СССР, Ин-т философии; сост. Ян Хиншун. – М. : Мысль, 1973. – Т. 2. – С. 99–141.
8. **Универсальность** специального образования – студенты с особыми образовательными потребностями в обычных группах / ред. Тан Шенцин. – Шанхай, 1998. – 51 с.
9. **Работа** в сфере образования лиц со специальными образовательными потребностями (Пекин, май, 2001 г.) / Министерство образования КНР. – Пекин, 2001. – 115 с.
10. **Хуан Чжичэн, Ху Ичао.** Инклюзивное образование: путь вперед. Размышления о 48-й конференции ЮНЕСКО (2008 г.) // Глобальное образование: международная научно-практическая конференция – Шанхай, 2008. – С. 59–65.
11. **Конституция КНР.** – [Электронный ресурс]. – URL: www.gov.cn/gongbao/content/2004/content_62714.htm (дата обращения: 05.04.2014).
12. **Мнение** о некоторых вопросах реализации специального образования. – [Электронный ресурс]. – URL: www.moe.gov.cn/HLFtiDemo/search.jsp?dd=3 (дата обращения: 05.04.2014).
13. **О способах** осуществления развития маленьких детей с ограниченными возможностями (1994 год). – [Электронный ресурс]. – URL: www.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_163/200408/1515.html (дата обращения: 05.04.2014).

REFERENCES

1. **Zinevich O. V.** Proceedings of the round table «Increasing the social potential of educational programs within the framework of cooperation between Russia and the European Union». – Philosophy of Education. – 2013. – № 4. – Pp. 180–187.
2. **Foucault M.** The history of insanity in the classical era. – Moscow : Smysl, 1998.
3. **Kuratchenko M. A.** The role of civilization identity in shaping the socio-cultural paradigm of the educational process in modern society (based on the material of training foreign students from China) – Journal of Altai Academy of Economics and Law. – 2014. – Issue 1(33). – Pp.108–112.
4. **Lugovoy K. V.** Cosmogony, anthropogonic and eschatological motifs in Nart epos of the Karachay and Balkar people – Ethnographic Review. – 2003. – № 6. – Pp. 57–69.
5. **Guo Yu.** USSR Academy of Sciences, Institute of Oriental. – Ed. M. V. Kryukov – Moscow, 1987. – 470 p.
6. **Ageeva N. Y.** On the history of the origin and development of traditional Chinese music – Society and State in China: XXXLII Conference: The 100th anniversary of the birth L. I. Dumana – Institute of Oriental; comp. and Br. Ed. S. I. Blyumhen. – Moscow, 2007. – Pp. 193–199.
7. **Li ji** – Chinese Philosophy. Collection of texts – USSR Academy of Sciences, Institute of Philosophy; comp. Yang Hinshun. – Moscow: Nauka, 1973. – Vol. 2. – Pp. 99–141.
8. **Introduction** to Special Education – regular classes for students with special educational needs. – Ed. Tang Shengqin. – Shanghai, 1998. – 51 p.
9. **Working** in the education of persons with special educational needs (Beijing, May, 2001.). – Ministry of Education of China. – Beijing, 2001. – 115 p.

10. **Huang Zhicheng, Hu Ichao.** Inclusive Education: The Way Forward – Reflections on the 48th Conference of UNESCO (2008) – Global Education: International Scientific Conference. – Shanghai, 2008. – Pp. 59–65.
11. **Constitution** of People's Republic of China. – [Electronic resource]. – URL: www.gov.cn/gongbao/content/2004/content_62714.htm (date of access: 05.04.2014).
12. **Advice** on the implementation of a number of issues of special education (September 1986). – [Electronic resource]. – URL: www.moe.gov.cn/HLFtiDemo/search.jsp?dd=3 (date of access: 05.04.2014).
13. **Mainstreaming** disabled children to carry on the work of the pilot scheme (1994). – [Electronic resource]. – URL: www.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_163/200408/1515.html (date of access: 05.04.2014).

BIBLIOGRAPHY

- Acedo C.** Inclusive education: Pushing the boundaries. – Prospects. – 2008. – № 38 (1). – Pp. 5–13.
- Baiburin A. K.** Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East rites. – St. Petersburg : Nauka, 1993. – 242 p.
- Banerji M. A.** Study of the effects of an inclusion model on students with specific learning disabilities. – Journal of Learning Disabilities. – 1995. – № 28. – Pp. 511–522.
- Borevskaya N. E.** State and school. China's experience on the doorstep of the III millennium. – Moscow : Eastern Literature Academy of Sciences, 2003. – 271 p.
- Burtseva E. V., Moskvina O. V.** On styles edukational-cognitive actyvyty of students in process of learning the oriental language – Journal of Novosibirsk University. – Novosibirsk, 2013. – Pp. 154–159.
- Chinese** researchers about cultural characteristics of the individual in the system of Chinese civilization. – Traditions in social and political life and the political culture of China. – Moscow: Nauka, 1994. – Pp. 273–298.
- Degtyareva T. N.** Inclusion in vocational education a person with disabilities: social and institutional aspects. – Siberian pedagogical magazine. – 2013. – № 2. – Pp. 251–254.
- Golubeva L. V.** Inclusive education: the ideas, perspectives, experience. – St. Petersburg : Teacher, 2011. – 95 p.
- Huang Zhicheng.** Inclusive education development in China: From Integration to Inclusive. – [Electronic resource]. – URL: www.spe.edu.sh.cn/User_Data/UpFile/2009428665730184.pdf (date of access: 05.04.2014).
- Kryaklina T. F.** Education as a factor in the development of cultures of peoples. – Barnaul : Univ AAEP, 2012. – 163 p.
- Kulikova D. N.** Role of Lecturer in Modern Educational Process. – Siberian pedagogical journal. – 2012. – № 8. – Pp. 69–72.
- Li Congli.** Inclusive Education Studies courses built. – [Electronic resource]. – URL: cdmd.cnki.com.cn/Article/CDMD-10269-2005082942.htm (date of access: 05.04.2014).
- Liu Yucheng.** Development of special education in ancient China – Chinise Journal of Special Education. – 2002. – № 2. – [Electronic resource]. – URL: wenku.baidu.com/view/434c9c12cc7931b765ce153d.html (date of access: 05.04.2014).
- Rysakova P.** The education system in Chinese society. – Moscow : Alethea. 2010. – 220 p.
- The Salamanca** Statement on Principle, Policy and Practice The Special Needs Education. – [Electronic resource]. – URL: www.unesco.org/education/educprog/sne/salamanc/stateme.html (date of access: 10.08.2011).

UNESCO. The flagship on education for all and the rights of persons with disabilities: Toward inclusion. – [Electronic resource]. – URL: www.unesco.org (date of access: 12.08.2011).

Pu Yongxin. Special Education. – Fujian : Education Press, 1995. – 155 p.

Valdman I. A., Kuratchenko M. A. Social modernization of education in China: a network of innovations in the context of self-organization of a transformed society – Philosophy of Education. – 2010. – № 3 (32). – Pp. 271–278.

Принята редакцией: 17.05.2014

УДК 378

ОПЫТ ВУЗОВ США: ФИНАНСОВАЯ ПОМОЩЬ СТУДЕНТАМ ЧЕРЕЗ ПРОГРАММЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГРАНТОВ И ЗАЙМОВ

В. Г. Шишкин (Новосибирск)

В статье исследуется специфика современных программ финансового содействия студентам в американских вузах. Заложённая в основу развития высшей школы Соединённых Штатов Америки система рыночных отношений, участие в её деятельности представителей власти разного уровня, а также частных лиц и компаний является важной составляющей для формирования разнообразных программ финансовой помощи. Автор выделяет наиболее важные источники поддержки учащихся, где ведущая роль принадлежит федеральному центру, осуществляющему взаимодействие с властями штатов, местностей, отдельными учебными заведениями, независимыми лицами и организациями. Сотрудничество носит комплексный и многоканальный характер и помогает сформировать гибкие механизмы предоставления студентам материальной помощи в виде грантов и займов.

Постоянное увеличение объёма финансовой поддержки и многообразие форм материального содействия позволяют студентам и их родителям выбирать наиболее актуальные программы помощи, среди которых важную роль играют «Гранты Пелла» и «Дополнительные образовательные гранты». Эти средства выделяются на безвозмездной основе, но их недостаточно, чтобы компенсировать ежегодно растущие текущие затраты на обучение в колледжах и университетах. Программы предоставления грантов служат в первую очередь базой для финансовой поддержки студентов из малообеспеченных семей. Помощь предоставляется специали-

© Шишкин В. Г., 2014

Шишкин Виталий Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет.

E-mail: wital_sh@mail.ru

Shishikin Vitaly Gennadievich – Candidate of Historical Sciences, Docent of the Chair of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University.